

УДК 130.32

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.6

**Ю.А. ЖДАНОВ
ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОМ
ПОТЕНЦИАЛЕ ФИЛОСОФИИ
ПРИРОДЫ ГЕГЕЛЯ**

**YU.A. ZHDANOV
ON HEURISTIC POTENTIAL
OF HEGEL'S PHILOSOPHY
OF NATURE**

Матяш Тамара Петровна

Доктор философских наук, профессор,
Донской государственной
технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Tamara P. Matyash

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

В статье реконструируется сформулированная Ю.А. Ждановым в статье «Эйнштейн и Гегель» идея эвристического потенциала философии природы Гегеля как философствования о природе, нацеленного на познание «природы из мысли»; рассматриваются принципы, позволившие гегелевской философии природы открыть проблемы, скрытые от научного мышления; интерпретируются мысли Ю.А. Жданова о гегелевском открытии идеи единства пространства и времени, предвосхитившей представление о едином четырехмерном континууме, а также о причинах, в силу которых А. Эйнштейн прошел мимо этих идей.

The article reconstructs the idea formulated by Yu. A. Zhdanov in the article "Einstein and Hegel", the idea of heuristic potential of Hegel's philosophy of nature, as philosophizing about nature, aimed at cognition of "nature from thought"; principles allowed the Hegelian philosophy of nature open problems hidden from scientific thinking are considered; thoughts of Yu. A. Zhdanov on Hegel's discovery of the idea of the unity of space and time, anticipated the concept of a single four-dimensional continuum, and the reasons for which A. Einstein passed by these ideas are interpreted.

Ключевые слова: Гегель; Ю.А. Жданов; философия природы; пространство; время;

Keyword: Hegel; Yu.A. Zhdanov; philosophy of nature; space; time; speculative thinking;

спекулятивное мышление; диалектика; dialectic; speculation; empirical experience; умозрение; эмпирический опыт; категории categories of science; the concept; final definitions; theory of relativity; neo-Kantianism. науки; понятие; конечные определения; теория относительности; неокантианство.

Люди, работавшие с Ю.А. Ждановым в докторском совете РГУ, хорошо знали об его серьезно-почтительном отношении к творчеству Гегеля. Как известно, в советскую эпоху Гегель воспринимался философской общественностью и идеологией как заклятый идеалист, а значит, идейный и мировоззренческий враг. И когда Э.В. Ильенков в 50-е гг. XX в. заявил о значимости творчества Гегеля, издал монографию «Диалектика конкретного и абстрактного в научно-теоретическом мышлении» (М.: Ин-т философии АН СССР, 1960), которую многие рассматривали как материалистический аналог «Науки логики» Гегеля, то это было воспринято как интеллектуальное мужество. Ю.А. Жданов, разделяя мысли Э.В. Ильенкова о философской содержательности спекулятивной диалектики Гегеля, сосредоточился на рассмотрении её значимости для естествознания. И хотя существовала работа Ф. Энгельса «Диалектика природы», в которой была организована «встреча» материалистической диалектики с естествознанием, Ю.А. Жданов все же считал плодотворным изучение взаимовлияния идеалистической диалектики Гегеля и естествознания. Интерес Юрия Андреевича к творчеству Гегелю, по-видимому, был обусловлен тем, что анализируемые Ф. Энгельсом в «Диалектике природы» эпохальные открытия естествознания, такие как открытие клетки (Т. Шванн), неуничтожимости движения (Р. Декарт), эволюционизма (Ч. Дарвин) и другие, были сделаны до широкого распространения материалистической диалектики, т. е. без её влияния. Гегель же с помощью своей спекулятивно-рациональной диалектики не только осмыслял уже существующие научные открытия, но с её помощью стремился добраться (что ему часто удавалось) до действительных явлений природы, объясняя возможность такого познания тем, что в явлениях природы уже присутствует «разумное, хотя оно всячески ущемлено и искажено формой внешнего бытия» (Михелет, 1975. С. 588–590). Диалектическое мышление сможет, как считал Гегель, освободить разумное в явлениях природы от искажения. Эта цель и была главной в написанной им «Философии природы».

Убеждение Гегеля в творческом потенциале спекулятивной диалектики, бесспорно, интриговало ученых. Но одни (А. Гумбольдт, К. Гаусс, Г. Гельмгольц, Л. Больцман и другие ученые XIX в.) (Огурцов, 1975. С. 613–617) восприняли философию природы Гегеля как

разновидность фантазии, не имеющей отношения к естествознанию. Да и сам Юрий Андреевич с полным основанием называл бесперспективными и бесплодными некоторые выводы «великого немецкого диалектика» (Жданов, 2009. С. 185–186), оставшиеся в истории естествознания курьезами. Но они, как считал Ю.А. Жданов, не доказывают, что в целом спекулятивная гегелевская диалектика есть произвол фантазии. Он разделял позицию тех ученых, прежде всего выдающихся физиков XX в., которые видели в философии природы Гегеля методологию и логику науки. Так, физик К. Вайцеккер высказывал мысли, созвучные гегелевским: философия должна проверить обоснованность научных принципов и на основе синтеза философии и частных наук обосновать единство природы (Вайцеккер, 1993. С. 115–125). Знаменательна мысль другого известного физика М. Борна, что «теоретическая физика есть подлинная философия. Она революционизировала самые основные понятия, например, о пространстве и времени (теория относительности), о причинности (квантовая теория), а также о субстанции и материи (атомистика). При всём этом теоретическая физика научила нас новым методам мышления (принцип дополнительности), применимость которых далеко выходит за рамки физики. В последние годы, – писал М. Борн, – я был занят попытками формулирования философских принципов, выводимых из науки». И хотя Борн перевернул с ног на голову идеи Гегеля о взаимоотношении философии и науки, все же основная его мысль о существовании такого взаимоотношения была близка гегелевским идеям (Борн, 2004. С. 37–38). Гегель, например, писал, что философия природы «сама есть физика, но рациональная физика» (Гегель, 1975. С. 10).

Философия природы не есть изобретение Гегеля. Как известно, он признавал, что философия природы, или натурфилософия, уходит корнями в античную философию. В его время натурфилософскими исследованиями занимался Ф. Шеллинг. Гегель знал, что к шеллинговой натурфилософии немецкие ученые и философы относились с большой антипатией по той причине, что она «представляла собой хаотическую смесь грубого эмпиризма и неразумных форм мысли, полнейшего произвола воображения». Поэтому он называл натурфилософию Шеллинга извращённой формой философии природы (Гегель, 1975. С. 7–9).

Гегель был убежден, что неизвращенная натурфилософия будет защищена от искушения впасть в произвол воображения фантазии, если соблюдет два принципа: во-первых, соединит умозрение и эмпирический опыт естественных наук; во-вторых, будет рассматривать науку как часть целостной философской системы, но не любой, а созданной

им. Только в этом случае натурфилософия сможет показать наукам пути приобретения «недостающих им понятий», устранить «недостатки» их полноты (Гегель, 1971. С. 247). Философия природы и создавалась Гегелем как такого рода натурфилософия.

Признавая, что философия природы Гегеля есть познание «природы из мысли», причем диалектической мысли, Ю.А. Жданов также признавал и то, что такая мысль способна открыть проблемы, скрытые от научного мышления. В этом и состоит научная и философская смелость Юрия Андреевича, соглашавшегося с Гегелем, что если бы, например, «физика основывалась лишь на восприятиях и восприятия были бы не чем иным, как свидетельством наших чувств, то работа физика состояла бы лишь в осматривании, прислушивании, обнюхивании и т.д., и животные, таким образом, были бы также физиками» (Цит. по: Жданов, 2009. С. 196). В своей статье «Эйнштейн и Гегель» он показал, что Гегель с помощью диалектического метода открыл непосредственное единство пространства и времени, единство здесь и теперь, т.е. сделал шаг к формированию представления о едином четырехмерном континууме, предвосхитив тем самым идею теории относительности А. Эйнштейна (Жданов, 2009. С. 186–199)¹. Ю.А. Жданов рассматривал и другие открытия Гегеля, имеющие отношение к теории относительности, в частности понимание света как формы существования материи (Жданов, 2009. С. 189–191).

Но в нашей статье речь будет идти только о гегелевской идее непосредственного единства пространства и времени.

Цель предлагаемой статьи – вернуть в современную философскую исследовательскую мысль «забытую» статью Ю.А. Жданова и тем самым оживить интерес к философским проблемам естествознания; раскрыть не до конца проясненное в статье Юрия Андреевича гегелевское обоснование возможности философии природы способствовать дальнейшему развитию наук, а также более полно и развернуто показать движение диалектической мысли Гегеля, приведшей его к знаменитой идее непосредственного единства пространства и времени. Наши исследовательские цели обусловлены тем, что Ю.А. Жданов соединил в своей статье рассмотрение идей Эйнштейна и Гегеля, но требуемый стандартами размер статьи не позволил ему обстоятельно изложить гегелевские идеи, касающиеся проблем пространства и времени, что создает некие содержательно-логические разрывы в философской части статьи, затрудняющие понимание гегелевских выводов.

¹ Правда, Ю.А. Жданов не является первооткрывателем этой темы. Она обсуждалась в 60-е и 70-е гг. XX в. в отечественной философии (Готт, 1968).

Начнем с гегелевского обоснования возможности философии природы открывать наукам новые горизонты познания. Выше мы уже частично говорили об этом. Здесь же отметим, что смысл своей философии природы Гегель определял как философствование о природе, т. е. воспроизведение присущей ей умопостигаемой сущности, которая наличествует в природе, так как дух, предпосылая себя природе, «уже всегда содержится в ней». В одной из своих энциклопедий он прямо заявлял, что цель философии природы – «познать бога (бог же есть дух) в природе, как в непосредственном наличном бытии». «Образы природы, – писал он, – суть только образы понятия, но в стихии внешнего бытия». Разум должен верить, что «истинный образ понятия, скрытый под внеположенностью бесчисленных образов, в конце концов откроется ему» (Гегель, 1975. С. 578–579). Подобно духу и внешняя природа разумна, божественна, представляет собой изображение идеи, хотя в природе идея является внешней по отношению не только к духу, но и к себе самой (Гегель, 1977. С. 16).

Науки, изучающие природу, являются, как считал Гегель, частью созданной им целостной философской системы, а потому их принципы и понятия имеют философское происхождение. Но науки используют конечные определения, берут их просто как наличные, не анализируя их содержание (Гегель, 1974. С. 102). Да и познавательные методы наук не ориентированы на исследование места научных категорий в общей системе логики. Такое исследование может провести только философия, которая, в свою очередь, получает в науке свою пищу, свой материал, реальность которого она не может игнорировать (Гегель, 1971. С. 247). Как известно, Гегель привлекал к формированию и проверке своих спекулятивных умозаключений большой массив эмпирических научных знаний. «Молнии глубоких мыслей» извлекались им из сочетания «мастерства диалектики... со всей широтой эмпирических знаний» (Михелет, 1975. С. 588–590). Сам Гегель писал, что «философия природы подхватывает материал, изготовленный физикой на основании опыта, в том пункте, до которого довела его физика, и, в свою очередь, преобразует его дальше», постигая в понятиях. Физика подготавливает для философии материал, а философия переводит «на язык понятия полученное ею от физики рассудочное всеобщее». Поэтому философствование о природе «не есть дело произвола, капризное желание пройтись для разнообразия разочек на голове после того, как долго ходили на ногах...», – утверждал он, намекая на натурфилософию Шеллинга (Гегель, 1975. С. 20–21). Говоря о том, что философия природы пользуется содержанием естественных наук, «делая его

своим собственным содержанием», Гегель под содержанием естественных наук понимал используемые ими категории, такие как «материя», «сила», «одно», «многое», «всеобщность», «бесконечность» и т.д. Наука, был убежден он, использует их «совершенно некритично и бессознательно», и философия природы призвана развивать их дальше, преобразовывать с помощью новых категорий, подводя тем самым науку к осознанию диалектичности (теоретичности) её содержания (Гегель, 1974. С. 149).

В своей философии природы Гегель не признавал за истину содержание научных дефиниций, хотя сознание и воспринимало их как непосредственно ясные. Он искал «доказанных» дефиниций, содержание которых не воспринимается как преднайденное, а обосновывается диалектически. Только в этом случае, как считал он, научные дефиниции могут доказать свою необходимость. Неслучайно Гегель сравнивал свой диалектический метод с «испанским сапогом» – орудием средневековых пыток (Гегель, 1971. С. 322). Эти «пытки» применялись во время суда, творимого философией природы над науками.

Раскрыв гегелевское понимание философии природы, можно более адекватно понять смысл спекулятивной диалектической мысли Гегеля, возвышающей используемые в геометрии и механике понятия пространства и времени до понятия.

Генеральную линию движения гегелевской мысли к идее непосредственного единства пространства и времени прочертил Ю.А. Жданов в указанной статье. Но по причинам, о которых мы говорили выше, он не воспроизвел с достаточной полнотой хода диалектической мысли Гегеля, что затрудняет понимание сделанных выводов.

Расширяя содержание статьи Юрия Андреевича, сразу же отметим, что Гегель, приступая к анализу содержания категорий пространства и времени, отверг кантовское толкование их как субъективных, существующих лишь в представлении. Основным для него был вопрос: «Реально ли пространство само по себе или оно представляет собой лишь некое свойство вещей?» Если, как писал Гегель, положительно ответить на первый вопрос, то неизбежен вывод, что пространство «похоже на ящик, который, когда даже в нем ничего нет, все же остается чем-то самостоятельным». Если утвердительно ответить на второй вопрос, то пространство сводится к пространственным отношениям, независимым от вещей (Гегель, 1975. С. 47). Но пространство «нигде не отлично от своего наполнения». Ю.А. Жданов писал, что пространство для Гегеля «есть определенное пространство какого-то материального тела. Мы не можем обнаружить никакого пространства,

которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде оно не отлично от своего наполнения». Вслед за Лейбницем, Декартом, Спинозой Гегель отвергает существование абсолютного пространства как пустого вместилища вещей (Жданов, 2009. С. 188).

Называя геометрию наукой о пространстве вообще, наделяющей пространство тремя измерениями, Гегель утверждал, что она не объясняла причин их существования. Геометрия воспринимала три измерения пространства как нечто предпосланное. Кроме того, с точки зрения геометров, эти измерения не имеют различия. Для объяснения трехмерности пространства Гегель применил диалектический метод, который требует рассмотреть, чем эти три измерения отличаются друг от друга. Всякое же отличие является качественным, поэтому речь должна идти об отрицании самого пространства. Первым отрицанием пространства является точка, которая, в свою очередь, снимает себя в линии. Линия – инобытие точки. Но так как «истиной инобытия является отрицание отрицания», то линия переходит в поверхность, в которой восстанавливается «пространственная тотальность». Благодаря этим переходам (точка – линия – поверхность) пространство обретает три измерения. Геометрия же, как писал Гегель, не размышляет об этих переходах (Гегель, 1975. С. 48–49), её мышление характеризуется «чистой непонятностью», а потому называть геометрию наукой, с его точки зрения, проблематично.

Продолжая ход диалектической мысли, Гегель пояснял, что снятие самим пространством своих моментов (точка – линия – поверхность) «является его истиной». Но «наличное бытие этого постоянного снятия есть время», а потому «пространство становится временем», его «истиной... является время». «Таким образом, мы не субъективно переходим к времени, а само пространство переходит в него», что порождает пространственно-временную четырехмерность. В геометрии же господствует представление, согласно которому «пространство и время совершенно отделены друг от друга» (Гегель, 1975. С. 52).

Науки не озадачиваются вопросом, что есть время. Их вполне устраивает представление о времени, как существующем самом по себе, что и способствует, как писал Гегель, существованию суждения, согласно которому «во времени все возникает и преходит». Но единство пространства и времени не позволяет понимать время как некий «ящик, в котором все помещено, как в потоке, увлекающем с собой в своем течении и поглощающем все попадающее в него». «Вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами

представляют собой временное», так как раньше или позже подвергаются изменениям. «Процесс самих действительных вещей составляет время». Само время «есть возникновение и прехождение... всепорождающий и уничтожающий свои порождения Кронос» (Гегель, 1975. С. 53–54).

Время, так же как и пространство, имеет три измерения: настоящее, будущее и прошедшее. Но измерения времени, в отличие от пространственных трех измерений, имеют различие, которое «может быть лишь различием между возникновением и исчезновением». В прошедшем определение бытия переходит в определение небытия, а в будущем – наоборот, «небытие является первым определением, а бытие – позднейшим». «Настоящее существует только потому, что прошлого нет, и наоборот, бытие данного “теперь” имеет своим предназначением не быть и небытие его бытия является будущим... Небытие бытия, место которого заняло “теперь”, является прошедшим, бытие небытия, содержащееся в настоящем, является будущим». О времени можно сказать, что «лишь настоящее существует, предшествующего же и последующего не существует» (Гегель, 1975. С. 58–59). Этот вывод Гегеля по сути воспроизводит идеи Бл. Августина (Аврелий Августин, 2013. Гл. 11), что подтверждает продуктивность спекулятивной диалектики Гегеля.

Взаимоположенность и нераздельность пространства и времени проявляются, как считал Гегель, в движении, содержание которого составляет «исчезновение и новое самопорождение пространства во времени и времени в пространстве... Скорость, количество движения есть пространство в соотношении с определённым протекшим временем». Конкретные науки должны постигать характер этого отношения, но они этим не занимаются (Гегель, 1975. С. 63). И. Ньютон, например, свел все отношения в природе к математическим: геометрическим и арифметическим отношениям, смешав тем самым математическое и физическое. Он не рефлексировал по поводу того, что геометрия «отвлекается от времени», а арифметика – «от пространства», а потому не смог увидеть, что «в реальной природе (физике) время и пространство связаны неразрывно» (Гегель, 1970. С. 238–239). Точно так же Галилей и Кеплер не изучали, как содержащиеся в законах движения небесных тел математические соотношения между пространством и временем «зависят от природы находящихся в отношении качеств пространства и времени и от рода их соотношения». Эти законы не получили своего обоснования на основе идеи нераздельности пространства и времени, а потому, по мнению Гегеля, они не являются научными в собственном смысле этого слова.

Непосредственное единство пространства и времени составляет, согласно Гегелю, содержание не только движения, но и длительности, в которой «отрицанием пространства является время, а бытием временных различий выступает пространство». В длительности единство пространства и времени «представлено лишь как движение перехода одного в другое». Длительность есть самоодинаковость, т. е. пространство, но такое пространство, в которое возвратилось время. Пространственное «здесь» есть также и время, некое «теперь», которое было. В длительности точка «здесь» есть вместе с тем «теперь» (Гегель, 1975. С. 60).

Итак, спекулятивно-диалектические и часто трудные для читательского понимания размышления Гегеля были, как считал Ю.А. Жданов, неким предуготовлением к открытию теории относительности. «Казалось бы, – как справедливо писал он, – Эйнштейн должен был высказать свое отношение к методу Гегеля, к его взглядам на материю, пространство, время. Однако ничего этого в трудах Эйнштейна нет. Как будто Гегеля не существовало». Причину, почему Эйнштейн, обращавшийся ко многим философам при обдумывании идеи теории относительности, прошел мимо Гегеля, Ю.А. Жданов справедливо объяснял тем, что философская, а следовательно, и научная мысль со второй половины XIX – начала XX в. обернулась вновь к Канту, и девиз «Назад к Канту!» стал синонимом девиза «Назад от Гегеля!», «от его нелепой натурфилософии, от его заумной и подозрительной диалектики, которая явилась одной из прародительниц революционного марксизма! Гегель был забыт, центральной фигурой методологии естествознания стал Кант» (Жданов, 2009. С. 187). Среди философов и ученых возобладало кантовское убеждение, согласно которому спекулятивное мышление принципиально не научно и «порождает только химеры». Такое отношение к спекулятивному мышлению Кант обосновывал, как писал Гегель, требованием «времени, направляющим взор людей на непосредственные нужды». В итоге, с едким сарказмом отмечал Гегель, наукой стали называть «общее руководство по искусству расположения террас», искусство «разработки торфа, возведения дымовых труб, скотоводства» и т.д. (Гегель, 1971. С. 530). Из всей философии только формальной логике (с её скудным и тощим содержанием) оставили место среди наук, и то, только на том основании, что за ней признавали некую «формальную пользу» (Гегель, 1971. С. 63). Гегелевское предупреждение об опасности кантианства для науки, заключающейся в том, что оно снижает теоретический уровень наук, забыли всего через тридцать лет после его смерти. Уже в 1865 г. немецкий философ О. Либман в работе «Кант и эпигоны» сформулировал девиз «Назад к Канту!», положивший начало возникновению неокантианства, которое распрощалось с Гегелем и спе-

кулятивным мышлением. Так, главные представители марбургской школы – Г. Коген, П. Наторп и Э. Кассирер – считали, что философия не должна быть метафизикой. Она может быть только философией математизированного естествознания, в частности физики. Идея Канта, что «в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» (Кант, 1999)¹, способствовала буму стремления к математизации всех наук. Никто уже не вспоминал об имеющем методологическую значимость спекулятивно-философском суждении Гегеля, что математика не занимается определением используемых ею категорий, таких как «бесконечность», «бесконечно малое», «множители», «степени» и т.д., что она берет их «вне понятия и часто даже бессмысленно» и что установление смысла этих понятий «скорее можно ожидать от философии» (Гегель, 1975. С. 58). Не понимает математика и того, что её «гордость» – формулы – не является «даже непосредственным выражением мысли». Имея дело только с категорией «количество», математика не рассматривает её в общей системе категорий развивающегося духа, а потому не обнаруживает, что эта категория является самой бессодержательной. Не опосредованная мышлением категория «количество» возводится в абсолютную категорию с беспредельными границами применимости. И тогда, констатировал Гегель, «точными признают только те науки, предметы которых могут быть подвергнуты математическому исчислению». Но «плохо обстояло бы дело с нашим познанием, – писал он в другом своём сочинении, – если бы только потому, что такие предметы, как свобода, право, нравственность и даже сам бог, не могут быть измерены и исчислены или выражены в математической формуле, мы, отказавшись от точного познания этих предметов, должны были бы удовлетворяться в общем неопределённым представлением, а все, что относится к особенным их определениям, представлять прихоти ка-

¹ Приведем полную цитату из предисловия Канта к «Метафизическим началам естествознания»: «В любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики... Наука в собственном смысле, в особенности же естествознание, нуждается в чистой части, лежащей в основе эмпирической и опирающейся на априорное познание природных вещей. Познать же что-либо а priori – значит познать это на основе одной только его возможности. Но возможность определенных природных вещей не может быть познана на основе одних лишь понятий, ведь на основе их может быть, правда, познана возможность мысли (ее непротиворечивость), но не возможность объекта как природной вещи, который мог бы быть дан вне мысли (как существующий). Следовательно, чтобы познать возможность определенных природных вещей, стало быть познать их а priori, требуется еще, чтобы было дано соответствующее понятию априорное созерцание, т. е. чтобы понятие было конструировано. Но познание разумом, основанное на конструировании понятий, есть познание математическое. Следовательно, чистая философия природы вообще, т. е. такая, которая исследует лишь то, что составляет понятие природы вообще, хотя и возможна без математики, но чистое учение о природе, касающееся определенных природных вещей (учение о телах и учение о душе), возможно лишь посредством математики; и так как во всяком учении о природе имеется науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней априорного познания, то учение о природе будет содержать науку в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в нем математика».

ждого отдельного человека, чтобы он создавал из них все, что ему угодно» (Гегель, 1974. С. 244). И все же Гегель признавал достоинство математики по той причине, что «количество есть ступень идеи, которой как таковой следует воздать должное прежде всего как логической категории, а затем также и в предметном мире – как в царстве природы, так и в царстве духа». Но при этом предупреждал, что определения количества имеют различную важность для предметов царства природы и предметов царства духа. «В природе как идее в форме инобытия количество играет большую роль, чем в мире духа» (Гегель, 1974. С. 243–245). Гегелевское обоснование различной роли математики в науках о природе и о духе имеет большую эвристическую и методологическую значимость по сей день.

В заключение выскажем свое мнение по поводу содержащегося в статье Ю.А. Жданова суждения: «Гегель, конечно, во многом устарел» (Жданов, 2009. С. 197). С этим суждением можно согласиться, но только частично. Да и само содержание статьи Юрия Андреевича свидетельствует, что философия природы Гегеля не потеряла своей актуальности, прежде всего для современных методологов и философов науки. В ней обосновано, что опыт никогда не приведет к идеям, что только из логической идеи, опирающейся на эмпирический опыт, можно развивать идеи пространства, времени, движения, материи и т.д. По сути, философия природы доказывает тесную взаимосвязь философии и науки. Правда, Гегель называл философию «душою всех наук», имея в виду то обстоятельство, что она возвышает науки «и побуждает их к дальнейшему развитию»; «науки без такого движения угаснут, а жизненность свою они приобретают в понятии, понятие же в конечном счете исходит из философии. Наука применяет философию в собственной области так же, как сама философия получает в науке свою пищу, свой материал, свое богатство, реальность которого философия не может игнорировать» (Гегель, 1971. С. 247). Конечно, Гегелю остались неизвестны новые научные открытия. Но это обстоятельство не снижает эвристической значимости его философии природы, «не причиняет никакого ущерба истинности» гегелевских идей, ибо «при их дальнейшем внутреннем развитии будет оставаться все больше места для новых наглядных представлений, появляющихся извне, т. е. из сферы науки» (Михелет, 1975. С. 588). А это означает, что и сегодня философия природы Гегеля остается одним из главных форпостов на поле сражения с позитивизмом всех мастей.

Литература

- Аврелий Августин.* Исповедь. СПб.: Наука, 2013. Гл. 11. 373 с.
- Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1965. 444 с.
- Больцман Л.* Статьи и речи. М.: Наука, 1970. 407 с.
- Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М.: Едиториал УРСС, 2004. 164 с.
- Вайцеккер К.Ф.* Физика и философия // Вопросы философии. 1993. № 1.
- Гегель Г.* Работы разных лет. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 667 с.
- Гегель Г.* Работы разных лет. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
- Готт В.С., Дерюжес В.В., Перетурин А.Ф.* Гегель и некоторые идеи современной физики // Философские науки. 1968. № 4.
- Жданов Ю.А.* Эйнштейн и Гегель // Избранное: в 3 т. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. Т. 1. 400 с.
- Кант И.* Метафизические начала естествознания (предисловие). М.: Мысль, 1999. 1710 с.
- Михелет К.Л.* Предисловие // Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Огурцов А.П.* «Философия природы» Гегеля и её место в истории философии науки // Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 895 с.

References

- Aurelius Augustine.* (2013). Confession. SPb.: Nauka, chapter 11.
- Arsenyev, A.S., Bibler, V.S., Kedrov, B.M.* (1965). Analysis of the developing concept. M.: Nauka.
- Boltzmann, L.* (1970). Articles and speeches. M.: Nauka.
- Bourne, M.* (2004). My life and views. M.: Editorial URSS.
- Weizsäcker, C.F.* (1993). Physics and philosophy. *Voprosy filosofii*, 1. (in Russian).
- Hegel, G.* (1970). Works of different years. M.: Mysl', 1.
- Hegel, G.* (1971). Works of different years. M.: Mysl', 2.
- Hegel, G.* (1974). Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 1: Science of logic. M.: Mysl'.
- Hegel, G.* (1975). Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 2: Philosophy of nature. M.: Mysl'.
- Hegel, G.* (1977). Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 3: Philosophy of spirit. M.: Mysl'.
- Gott, V.S., Deryushev, V.V., Peraturan, A.F.* (1968). Hegel and some of the ideas of modern physics. *Filosofskiye nauki*, 4. (in Russian).
- Zhdanov, Y.A.* (2009). Einstein and Hegel. *Selected works*. In 3 vols. Rostov n/D.: SKNTS VSH YUFU, 1.
- Kant, I.* (1999). Metaphysical principles of natural science (Preface). M.: Mysl'.
- Michelet, K.L.* (1975). Preface. *Encyclopedia of philosophical Sciences*. Vol. 2. Philosophy of nature. M.: Mysl'.
- Ogurtsov, A.P.* (1975). Hegel's "Philosophy of nature" and its place in the history of philosophy of science. *Encyclopedia of the philosophical Sciences*. Vol. 2. Philosophy of nature. M.: Mysl'.
- Soloviev, V.S.* (1988). Composition: in 2 vols. M.: Mysl', 1.

Поступила в редакцию

21 августа 2019 г.